

ДНЕВНИКОВАЯ ПРОЗА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Статья посвящена специфике дневниковой прозы Марины Цветаевой.

The article considers the specificity of diary prose of Marina Tsvetaeva.

Прозаическое творчество М. Цветаевой многообразно в жанровом отношении. Традиционно ее прозу разделяют на три блока: автобиографическую прозу и воспоминания, дневниковую прозу, статьи и эссе, причем данное жанровое деление условно, поскольку сложность художественной структуры прозаических текстов писателя не приемлет однозначности.

Свой путь в прозе М. Цветаева начинает с жанра литературного дневника, стремясь не только запечатлеть перипетии собственной жизни, но и передать атмосферу революционной эпохи, осознать происходящее, «остановив мгновение» с помощью слова. Данные устремления определяют специфику дневниковой прозы писателя, а именно сочетание личностного, субъективного начала, погружение в анализ собственных душевных переживаний и стремление к объективному изображению событий, обращенность вовне.

Уже в ранней прозе М. Цветаевой прослеживается особая стилистическая доминанта, свойственная всему прозаическому наследию поэта, – мощное лирическое начало, присутствующее на всех уровнях текста, проявляющееся в особенностях как содержания, так и формы.

С первых страниц дневниковой прозы бросается в глаза отсутствие традиционной для данного жанра датировки событий. Повествование структурировано, разделено на сюжетные блоки, но отсутствие привязки к определенному временному отрезку лишает текст прозаической конкретности, придает событиям статус универсальности, вневременности, вырывает их из рамок повседневности. Данная особенность сближает прозаический хронотоп с хронотопом лирики, характеризующимся отвлеченностью в описании времени и пространства.

К особенностям дневниковой прозы Цветаевой, берущим истоки в ее стихотворном творчестве, следует также отнести повышенную эмоциональность, специфический сюжет, представляющий собой не столько описание событий, сколько движение чувств, эмоций, впечатлений, ассоциативный характер повествования, ослабление причинно-следственных связей, осязаемый ритм, внимание к отдельному слову, метафоричность и др. Например:

Стенька Разин. Два Георгия. Лицо круглое, лукавое, веснушчатое: Есенин, но без мелкости. Только что вместе с другими молодцами вернулся с реквизиции. Вижу его в первый раз.

– Разин! – Не я сказала: сердце вызвонило! (Сердце! Колокол! Только вот звонарей нет!)

Оговорюсь: мой Разин (песенный) белокур, – с рыжевицей белокур. (Кстати, глупое упразднение буквы д: белокудр, белые кудри: и буйно и бело. А белокур – что? Белые куры? Какое-то бесхвостое слово!) Пугачев черен, Разин бел. Да и само слово Степан! Сено, солома, степь. Разве черные Степаны бывают? А: Ра-зин! Заря, разлив, – рази, Разин! Где просторно, там не черно. Чернота – гуца [1, с. 428].

Повествование от первого лица – неперемное условие жанра – позволяет Цветаевой в полной мере реализовать в прозе поэтическое дарование. Фрагмент отличает крайняя субъективность, связанная с отказом от описания событийно-объективного начала и

погруженностью в интимно-лирическое постижение мира. Развитие действия замедляется, уходит на второй план, уступая место лирическим размышлениям и отвлеченным рассуждениям. Образ Разина воспринимается рассказчиком через семантику и звучание имени, через сопоставление с образами Есенина и Пугачева, через цветовую символику. Присутствуют отступления от основного повествовательного мотива. Например, в абзаце «*Разин! – Не я сказала: сердце вызвало! (Сердце! Колокол! Только вот звонарей нет!)*» продемонстрирована характерная для автора ассоциативность повествования, когда на фоне развертывания основной темы, связанной с раскрытием образа Разина, происходит переключение на личные переживания повествующего автора.

Во фрагменте очевидно внимание к слову, присущее прежде всего лирической поэзии: текст приходится читать пространственно, погружаясь в глубину, в подтексты, прислушиваясь к слову, осмысляя его как в фигуральном, так и в буквальном значении. Ту же функцию выполняют маленькие абзацы, имитирующие стиховые строфы. В силу своего объема они формируют «единство и тесноту» (Ю. Тынянов) стихового ряда, делая весомым и наглядным каждый образ, подчеркивая его многозначность.

«Рваный» ритм диктует читателю особенности произнесения, обеспечивает особое, поэтическое прочтение текста, тем самым усиливает присущий фрагменту лиризм и эмоциональность. Контраст между повышенной музыкальностью и особой паузировкой, формирующей выделенность слова, как и пристрастие к малым абзацам, позволяет выделить образ, привлечь внимание к его многогранности и неоднозначности.

Особенностью индивидуального стиля Цветаевой является также внимание к сочетаниям и связям созвучных слов: *белокур – белые кудри – буйно – бело – белые куры; Степан – сено – солома – степь; Разин – заря – разлив – рази и др.* Писатель обыгрывает ассонансные и аллитерационные повторы, обнажает побочные связи между образами, делая их осязаемыми, вещественными, наглядными.

Для дневниковой прозы Цветаевой характерно использование безглагольных конструкций, представленное в исследуемом фрагменте. Текст при этом утрачивает конкретность, определенность, присущие прозе, приобретает поэтическую расплывчатость и неоднозначность. Событие возводится в абсолют, грань между внешней и внутренней реальностью стирается.

Таким образом, в дневниковую прозу Цветаевой активно вводится лирическое начало. Писатель использует приемы, свойственные собственному стихотворному творчеству, демонстрируя тем самым представление о неразличимости стиха и прозы. Проза Цветаевой – «проза стихов» Цветаевой, иная ипостась стихотворной речи.

При этом специфической особенностью дневниковой прозы писателя, отличающей ее от других разновидностей автобиографических повествований автора, является стремление передать чужую речевую манеру, говор улицы, толпы. Данное желание связано с потребностью запечатлеть революционную эпоху, время перемен, с попыткой максимально правдиво, отстраненно описать происходящие события. Вследствие этого значительная часть повествования отводится стихии спонтанной устной разговорной речи.

Стремясь максимально точно передать чужую речевую манеру, М. Цветаева использует прием парцелляции, так называемую «короткую фразу», ставшую стилиевой приметой прозы 30-х гг. XX в. Как отмечает М. Чудакова, в указанные годы значительная часть прозы заговорила на языке, резко отличном от того, который строился на длинном, разветвленном синтаксическом периоде, на неторопливых, обстоятельных описаниях, исходивших от автора, уверенного в добросовестном и длительном внимании своего читателя и не прибегающего к специальным приемам его «интенсификации». В «новой» прозе фразы стали заметно короче, повествование приобрело иной, энергичный темп [2]. Данный прием, основанный на подражании естественному

развертыванию разговорной речи, позволил Цветаевой максимально точно передать говор улицы, а следовательно, и живые эмоции, настроения, оценки, возникшие сию минуту, а не вмещенные в заранее обдуманые, готовые формулы. При этом датировка дневниковой прозы Марины Цветаевой позволяет утверждать, что она не просто использовала новейшие тенденции в области литературы, связанные с использованием парцелированных конструкций, но формировала их, предвосхищая те особенности, которые позже появятся в языке произведений М. Зощенко, Ю. Олеси, Б. Пильняка:

...«А Бог тебя знает, откуда ты. Еще беды с тобой наживешь! И волоса стриженные... Иди себе подобиру да поздорову...И ситца твоего не нужно»...

А бывает и так еще:

– Ты, вишь, московка, невнятная тебе наша жизнь. Думаешь, нам все даром дается? Да вот это-то пшано, что оно на нас – дождем с неба падает? Поживи в деревне, поработай нашу работу, тогда узнаешь. Вы, москвичи, счастливее, вам все от начальства идет. Ситец-то, чай, тоже даровой?» [1, с. 422].

Использование парцелированных конструкций в сочетании со специфической лексикой, с нарушением грамматических и синтаксических норм позволяет писателю передать живой народный говор и, соответственно, мировоззрение, отношение к жизни народной массы.

В произведениях представлена речь солдат, матросов, крестьян, служащих и т.д., что позволяет изобразить широкую панораму событий, описать разные точки зрения на происходящее, взглянуть на ситуацию максимально объективно, отстраненно:

Говорящий – мастеровой [...]. Жалуетя на сыновей: «Новой жизнью заболели, коростой этой. Вы, барышня, человек молодой, пожалуй, и осудите, а по мне – вот все эти отребья красные да свободы похабные – не что иное будет, как смущенье Антихристово. Князь он и власть великую имеет, только ждал до поры до часу, силу копил. Приедешь в деревню, – жизнь-то серая, баба-то сивая...» [3, с. 406].

Или:

Подсаживается толстый военный: круглое лицо, усы, лет пятьдесят, пошловат, фатоват. – «У меня сын в 56-ом полку! Ужасно беспокоюсь. Вдруг, думаю, нелегкая понесла» (Почему-то сразу успокаиваюсь)... «Впрочем, он у меня не дурак: охота самому в пекло лезть!» (Успокоение мгновенно проходит)...» Он по специальности инженер, мосты, знаете ли, все равно для кого строить: царю ли, республике ли, - лишь бы выдержали!» [3, с. 407].

Или:

Внезапно вяжется, верней – врывается – матрос:

«И все это вы, товарищи, неверно рассуждаете, бессознательный элемент. Эти-то образованные, да дворяне, да юнкера проклятые всю Москву кровью залили! Кровососы! Сволочь!» (Ко мне:) «А вам, товарищи, совет: поменьше о Христах да дачах в Крыму вспоминать. Это время прошло» [3, с. 413].

Тематика записанных разговоров самая разная: от описания бытовых подробностей, связанных с мытьем полов и торговлей мылом и спичками до политических рассуждений, диалогов о войне. Представлено многообразие точек зрения на происходящие события. Столь же различна стилистика речи высказывающихся субъектов. Манеру Цветаевой можно назвать диктофонной: она в мельчайших подробностях фиксирует живую разговорную речь современников, передавая через нее половозрастные особенности, уровень образования, взгляды на жизнь своих персонажей. Из приведенных примеров видно, что речь матроса изобилует революционной лексикой, имеет лозунговый характер. Речь мастера указывает на его религиозность, при этом она напевна на фольклорный манер, что в совокупности позволяет говорить о его крестьянских корнях. Речевая манера офицера, несмотря на присутствие в ней

разговорных выражений, более литературна, но не менее индивидуальна, на ее основе также можно составить языковой портрет личности. Становится очевидным, что дневниковую прозу Цветаевой отличает полифонизм, не свойственный другим прозаическим жанровым образованиям автора, базирующимся на поэтическом монологизме.

А вот «рваная» фраза, отсутствие плавных переходов, подмеченные Мариной Цветаевой в языке улицы, оказались соприродны ее собственному лирическому творчеству, обладающему столь же «рваным» ритмом. В результате чужая речевая стихия органично слилась с присущей поэту стиховой манерой. Но если в лирике объектом изображения был внутренний мир лирической героини, то в дневниковой прозе целью писателя стало запечатление эпохи перемен, отсюда внимание к внешним обстоятельствам: бытовым подробностям, происходящим событиям, случайно встреченным людям и их речевой манере. Очевидна установка автора на объективность, тогда как в зрелой прозе субъективность видения мира станет превалирующим показателем.

Таким образом, специфика дневниковой прозы М. Цветаевой определяется сочетанием двух разнонаправленных стихий: лирическим, монологическим повествованием, крайней субъективностью оценок, берущим истоки в ее стихотворном творчестве, и стремлением запечатлеть говор улицы, чужую речевую стихию для объективного воссоздания атмосферы эпохи.

1. Цветаева М.И. Вольный проезд // Цветаева М. Избранные сочинения: В 2-х т. – Т. 2. Автобиографическая проза. Воспоминания. Дневниковая проза. Статьи. Эссе. – М.: Литература, 1998. – С. 415-439.

2. Чудакова М.О. Заметки о языке современной прозы // Чудакова М. О. Избранные работы, – Т. 1. Литература советского прошлого. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 245-286.

3. Цветаева М.И. Октябрь в вагоне // Цветаева М. Избранные сочинения: В 2-х т. – Т. 2... – С. 405-414.